

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

Нѣсколько о немъ припоминаній.

1785—1845.

Имя Тургеньевыхъ останется памятнымъ въ лѣтописяхъ русской литературы дѣятельностью нѣсколькихъ замѣчательныхъ представителей этого рода, и между прочимъ, можетъ быть даже всего болѣе дѣятельностью того Тургеньева, о которомъ сообщамъ здѣсь нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній.

А. И. Тургеньевъ родился въ 1785 г., умеръ въ 1845 г. Онъ былъ одинъ изъ четырехъ сыновей тайн. совѣт. Ивана Петровича Тургеньева, умнаго и образованнаго патріота времени Екатерины II, провинутаго мыслию—мольбою, чтобы его дѣти были русскими „годными для Россіи“. Приготовительное образованіе А. И. окончилъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а университетское, по историко-политическимъ наукамъ, въ геттингенскомъ университетѣ. Ему не было 20-ти лѣтъ, когда онъ, воротясь домой, сталъ служить, и, какъ юноша образованный и усердный, не могъ не быть отмѣченъ въ то время, когда была нужда въ такихъ молодыхъ людяхъ. Въ 1806 г. онъ работалъ въ комисіи составленія законовъ; въ 1810 г. (25 лѣтъ) назначенъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій; въ 1812 г. помощникомъ статс-секретаря въ государственномъ совѣтѣ и затѣмъ нѣсколько разъ исправлялъ должность статс-секретаря по департаменту законовъ; въ 1822 г. назначенъ старшимъ членомъ комисіи составленія законовъ. Онъ былъ лично извѣстенъ императору Александру I съ 1807 г., когда былъ въ его свитѣ, во время его путешествія, отмѣченъ имъ по усердію къ труду и по образованности, и съ того времени пользовался постоянно милостью государя, государыни и вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны, и умѣлъ

этимъ пользоваться не лично для себя, а для пользы другихъ, начиная отъ Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Козлова до неизвѣстныхъ труженниковъ, нуждавшихся въ поддержкѣ. Въ 1825 г. онъ получилъ увольненіе въ отпускъ за границу, и съ тѣхъ поръ всю вторую половину жизни своей (съ 40 до 60-ти лѣтъ) онъ провелъ въ непрерывныхъ путешествіяхъ, только на время возвращаясь въ Россію. Опуская подробности странствованія Тургенева по разнымъ странамъ Европы, отмѣчу только, что онъ во время этого странствованія постоянно продолжалъ учиться. Учился языкамъ: съ юности усвоилъ языки французскій и нѣмецкій, нѣсколько знакомій съ латинскимъ, освободясь отъ обязанностей службы, онъ занялся ревностно латинскимъ, и продолжалъ занятія имъ въ Германіи, Франціи, Англии; одновременно съ латинскимъ учился и итальянскому языку; затѣмъ занялся англійскимъ языкомъ. Онъ овладѣлъ языками такъ, что могъ и читать произведенія писателей и говорить. Учился онъ и наукамъ посредствомъ чтенія книгъ: чтеніе было его страстью, и чтеніе избранное, не какихъ-нибудь книгъ, а писателей и научныхъ исследованийъ. Учился онъ съ помощью университетскихъ лекцій, посѣщая ихъ прилежно и на 5-мъ и на 6-мъ десятиѣ лѣтъ своей жизни—и опять не лекціи модныхъ преподавателей, а дѣльныхъ ученыхъ. Того же выбора держался онъ и въ сближеніяхъ съ людьми, съ литераторами, учеными, художниками, государственными людьми.

Тѣмъ, которые не были современниками или близкими съ нимъ. А. И. Тургеневъ извѣстенъ больше всего какъ ревностный разсѣдователь памятниковъ русской исторіи по чужеземнымъ архивамъ, какъ собиратель тѣхъ актовъ, которые изданы Археографическою комисіей подъ названіемъ: *Historica Russiae monumenta ex antiquis exterrarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. J. Turgenewo* (1840—1842). Нельзя, конечно, не признавать важности этой заслуги Тургенева; но нельзя и дѣлать Тургенева только ею. Это случайный плодъ его дѣятельности, болѣе видный, чѣмъ многія другія работы его, можетъ быть и болѣе полезный въ отношеніи научномъ, но, несмотря на всѣ его достоинства, все-таки не такой, чтобы имъ можно было опредѣлять значеніе Тургенева, какъ дѣятеля первой половины нашего вѣка. Не изъ него, а изъ другихъ источниковъ узнаемъ Тургенева, его замѣчательный умъ, соединявшійся въ немъ съ просто-душною добротою, необыкновенною образованностью, многообразными званіями, неслабѣющую любознательность, дѣятельность, постоянно направленную къ добру общему и теплую любовь къ отечеству, къ наукѣ и просвѣщенію. Все это узнаемъ изъ отзывовъ о немъ, изъ писемъ къ нему и его собственныхъ писемъ.

Письма А. И. Тургенева (нельзя не желать, чтобы онѣ были изданы всѣ, и всѣ вмѣстѣ), одна изъ драгоценностей нашей литературы, и, по разнообразію и богатству данныхъ, въ нихъ отмѣченныхъ болѣе или менѣе живо и вѣрно, и по ихъ содержанію, по мыслямъ, чувствамъ въ нихъ высказаннымъ, по литературному достоинству. Письма Тургенева тѣмъ болѣе важны, что онъ ихъ писалъ не для печати, а для родныхъ и друзей, высказываясь въ нихъ вполне искренно и простодушно, безъ искусственной выдѣлки выражений, писалъ какъ писалось: онъ и не могъ писать иначе, потому что писалъ почти ежедневно. Сколько извѣстно, никто не написалъ такого количества писемъ; какъ-будто эта работа была его обязанностью; никто и не написалъ такого множества такихъ прекрасныхъ писемъ. Изъ этого множества можно выбрать сотни, въ книгу, необходимую для всякой семейной библиотеки русской. По ней могли бы дѣти и не дѣти воспитывать себя и въ правдивости и въ высшихъ стремленіяхъ ума и чувства общечеловѣческаго и вмѣстѣ русскаго.

Предоставляю для образца нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Тургенева—не потому впрочемъ, что онѣ показались мнѣ лучше написанными, образцовыми, а потому что какъ мнѣ показалось онѣ рѣзко рисуютъ Тургенева и его отношенія къ людямъ.

И прежде всего, для ближайшаго ознакомленія съ личностью Тургенева, выписываю мѣста изъ писемъ, гдѣ случайно высказаны имъ его убѣжденія.

— „У кого есть главная, сильная мысль, порожденная сердцемъ, т. е. любовью къ человѣчеству, тотъ не можетъ быть несчастливъ и въ неудачѣ, ибо сильная мысль, какъ сильная любовь, наполняетъ всего человѣка (27-го янв. 1827 г.).“

— „Продолжаю читать и понимать Д. Стюарта и въ его ученіи нахожу для ума и для правилъ истинную пользу... Есть ли бы былъ досугъ и достаточная практика и знаніе языка русскаго, то желалъ бы, хоть статьями, переводить его для русскихъ; ибо многое зависитъ отъ того, какою книгою начнется наука въ народѣ. Нужна ясность съ глубокомысленностію и съ цѣлію практической пользы, дабы прельстить, заохотить читателей и писателей. Всякій про себя философъ и наблюдатель: есть-ли онъ найдетъ повѣрку собственнымъ наблюденіямъ въ книгѣ, то обрадуется, полюбитъ книгу, а съ нею и науку, ибо любить въ нихъ самого же себя и охотно ставитъ себя на ряду наблюдателей-философовъ. (27-го янв.).“

— „Береги себя—не для себя, дажеи не для насъ, даже и не для Россіи, а для исполненія долга, для жизни, которая дана намъ не для насъ, не на минуту, а для другихъ, посредствомъ насъ, и для вѣч-

ности посредствомъ временной жизни. Храни себя, какъ бы, гдѣ бы, и когда бы ни послужило бытіе твое въ пользу другихъ, отдаленныхъ или близкихъ; нужды нѣтъ, что бытіе твое не ознаменуется свидѣтельствомъ исторіи или журнала; оно запишется въ книгу животную, въ книгу отчета за всѣхъ насъ, и не пропадетъ ни для себя, ни для насъ, ни для Россіи, ни для людей. (16-го августа).“

— „Я бы желалъ, чтобы и въ университетахъ обращали болѣе вниманіе на полезное, на существенное, необходимое, и отбросили то, что отжило вѣкъ свой. Какъ можно въ наше время, когда чтеніе древнихъ образуетъ Брумовъ и Штейновъ, три лекціи сразу говорить о древнихъ флейтахъ или дудеахъ, какъ ихъ держали во рту и какой величины была дудеа, съ правой стороны или съ лѣвой рта, опровергать серьезно мнѣніе другихъ и поддерживать свое, желая чтобы слушатель плясалъ по его дудкѣ?.. Развѣ нѣтъ другой важности въ языческой древности! Можно упомянуть и о дудкѣ; но толковать объ этомъ три часа и мучить студентовъ записываніемъ сказаннаго—не простительно... Выбросивъ все бесполезное, болѣе времени осталось бы для существеннаго. для чтенія и изслѣдованія (7-го сентября).“

— „Муміи, вазы, статуйки, амулеты—все это надоѣло мнѣ до крайности, ибо я не могу приучить вкуса къ симъ ничтожнымъ предметамъ археологій: давай мнѣ мысли, чувства, правила жизни и высокой, вѣчной и универсальной политики; изъ рыжихъ вазъ этрусскихъ этому не научишься, какъ бы они миловидны не были, и весь Цицеронъ, въ одномъ томѣ нѣмецкаго изданія, болѣе веселитъ глазъ мой, чѣмъ уроды и жуки египетскіе. (29-го декабря).“

— „Все найдешь въ древнихъ, если не въ полномъ цвѣтѣ и не въ плодѣ, то въ зародышѣ. Вѣками, тысячелѣтіями дозрѣваетъ чело-вѣчество, „изъ образа въ образъ ведомое“. (29-го января 1828 г.).“

— „Главное въ молитвѣ—не просьба къ Богу о чемъ-либо, а сердечное сокрушеніе, чувство, котормъ сердце въ сіи минуты исполнено, глубокое чувство ничтожности собственной и преданность, отдача себя въ его могущество, чувство силы словъ „да будетъ воля твоя.... Я часто повторяю: „да будетъ воля твоя“ и послѣ сего споешь. (1-го ноября).“

— „Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслию и зрѣетъ и совершенствуется бѣдствіями; тогда и прошедшее счастье въ пользу, и тогда и только тогда для нее прошедшее вѣчно. (13-го октября).“

— „Я не разумѣю подъ поэтомъ только того, кто пишетъ стихи; могутъ быть поэты въ душѣ и въ жизни, но не въ книгахъ.“

— „Я готовъ приносить себя въ жертву тамъ, гдѣ требуетъ сего

польза пріятелей или общественная, но желаю оставаться эгоистомъ по части просвѣщенія и дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда безъ насилія своимъ правиламъ позволено мнѣ участвовать въ общей мѣрѣ; а раздѣлять мелкія состязанія мелкихъ умовъ не хочу, сберегая малый мой капиталъ на лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Если бы я одаренъ былъ талантомъ, то званіе писателя имѣло бы для меня величайшую прелесть, но и тогда не унижился бы я до журналиста мелкой литературы, а развѣ участвовалъ бы только въ такомъ изданіи, котораго цѣль благо политическое и высшая нравственность, поспѣшествованію которой можетъ много содѣйствовать и поэзія, и вся изящная, высшая словесность. Теперь же избираю лучшихъ и умнѣйшихъ между современниками, и читая мертвыхъ, стараюсь не прерывать бесѣды съ первыми, заслуживать любовь ихъ любовію всего изящнаго въ нихъ. (3-го мая 1819 г.).“

Нельзя, конечно, не предполагать, что, постоянно себя воспитывая и живнію и общеніемъ съ людьми, дѣйствовавшими на другихъ умомъ и знаніями, и наблюденіями надъ произведеніями художества, и чтеніемъ книгъ, Тургеневъ постепенно расширялъ свой взглядъ и освѣтлялъ новымъ свѣтомъ знанія и соображенія, то, во что вглядывался, и съ годами нападалъ на рѣшеніе вопросовъ, прежде оставшихся для него безъ отвѣтовъ или съ отвѣтомъ, не вполне его удовлетворявшимъ; но, насколько можно видѣть изъ того, что доселѣ можетъ быть въ виду, онъ не мѣнялъ своихъ убѣжденій и только все болѣе утверждался въ нихъ.

Вотъ одно изъ писемъ Тургенева, еще молодого (27-ми-лѣтъ) къ кн. П. А. Вяземскому, двадцатилѣтнему юношѣ, отъ 27-го октября 1812 г., писанное спустя двѣ недѣли по выходѣ Наполеона изъ Москвы:

„Вчера получилъ я, милый кн. П. А., письмо твое отъ 16-го октября изъ Вологды и несказанно обрадовался я, несмотря на то, что оно писано въ уныломъ расположеніи духа. Сѣверинъ не читалъ мнѣ твоего письма къ нему, но сказывалъ о содержаніи онаго, и я тогда уже, а еще болѣе теперь, когда дѣла наши ежедневно и примѣтно поправляются, пенялъ тебѣ мысленно за отчаяніе, въ которое ты погрузился. Зная твое сердце, я увѣренъ, что ты не о томъ, что потерялъ въ Москвѣ, а о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени русскаго; но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія—нравственнаго

и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отмщеніемъ за бесполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на голову виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патриотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ (ибо тамъ многіе покорались Наполеону, и составились партіи въ пользу его; а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безизвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія); наконецъ примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи сѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ французами славы завоевателей-разбойниковъ); все это ускокваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма, и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не остановятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не погрузятъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ я его почитаю потому, что намъ осталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ которой авторъ ея долженъ быть непремѣнно освѣтанъ.... Сильное потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помещиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно неудались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдою не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить.

„Будетъ время, мы свидимся, любезный другъ, и на развалинахъ Москвы будемъ бесѣдовать и вспоминать прошедшее; но, конечно,

прежде должно приучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія; мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ. Я также потерялъ много съ Москвою, потерялъ невозвратимое, напр. всѣ акты, грамоты, бібліотеку; но еще, право, ни разу не жалѣлъ объ этомъ, еще менѣе о другомъ движимомъ имуществѣ и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омытъ стыдъ нашествія иноплеменниковъ въ крови ихъ. Дѣла наши идутъ хорошо. Непріятель бѣжитъ, бросаетъ орудія и зарядные ящики. Мы его преслѣдуемъ уже за Вязмою. Подпишусь для тебя на „Сынъ Отечества“, въ которомъ помѣщаются любопытныя статьи. Назначеніе сего журнала было помѣщать все что можетъ одобрить духъ народа и познакомить его съ самимъ собою. Какой народъ! Какой патриотизмъ и какое благо-разуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству!“

Это письмо старѣйшее изъ Тургеневскихъ писемъ сохранившихся у кн. Вяземскаго. Дружескія отношенія между кн. Вяземскимъ и Тургеневымъ, поддерживаемыя не столько одинаковостью направленій, сколько взаимнымъ уваженіемъ и, со стороны Тургенева, желаніемъ развить въ Вяземскомъ любовь къ литературѣ и поэзіи, продолжались долго. Тургеневъ слѣдилъ за его успѣхами, щеголялъ ими въ письмахъ къ другимъ, готовъ былъ помогать его предпріятіямъ, наводилъ его на работы, и т. д.

Съ дѣтства близокъ былъ Тургеневъ съ Карамзиннымъ, который многимъ былъ обязанъ его отцу. Уже важнымъ чиновникомъ былъ Тургеневъ, когда Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ со своею исторіей, какъ искатель, и нашелъ въ немъ друга и помощника, а вмѣстѣ и глубокаго читателя. Какъ дорогъ былъ всякій успѣхъ Карамзина, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма Тургенева къ И. И. Дмитріеву.

„10-го іюля 1818 г. въ чрезвычайномъ собраніи Россійской академіи, когда ея полученъ новый уставъ, президентъ академіи А. С. Шишковъ предложилъ къ избранію въ дѣйствительные члены. Н. М. Карамзина. „Творенія его стихами и прозою—сказалъ онъ при этомъ— всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе російской исторіи, увольняютъ меня безъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства къ вступленію въ сіе почтенное сословіе.

Карамзинъ былъ избранъ единогласно.

Въ засѣданіи 15-го декабря 1818 г. Карамзинъ произнесъ рѣчь по случаю этого избранія. Въ торжественномъ засѣданіи 8-го января 1820 года, въ день празднованія академіей своего возобновленія, Карамзинъ читалъ отрывки изъ невѣданнаго еще тогда IX тома своей исторіи. На другой день послѣ этого засѣданія А. И. Тургеневъ писалъ къ И. И. Дмитріеву:

— „Несмотря на недосугъ мой, поспѣваю увѣдомить васъ о вчерашнемъ засѣданіи академіи (Россійской); оно было точно торжествомъ истиннаго таланта и прекрасной дѣятельности. Послѣ рѣчи президента (А. С. Шишкова), который старался намъ доказать преимущество академическихъ трудовъ предъ частными авторскими занятіями, маленькой секретарь академіи (П. И. Соколовъ) прочелъ исторію оной прошедшаго года; потомъ Гябдичъ, хотя и нѣсколько гробовымъ голосомъ, но весьма ясно и съ чувствомъ читалъ стихи Жуковскаго: ¹⁾ за нимъ снова Соколовъ—переводъ изъ Тита Ливія о Регулѣ, и наконецъ историографъ (Н. М. Карамзинъ), въ нѣсколькихъ словахъ объяснивъ намъ точку, съ которой начиналось чтеніе исторіи Ивана Васильевича, приводилъ слушателей попеременно то въ ужасъ, то въ восхищеніе. Невольнымъ и невѣяснимымъ образомъ при нѣкоторыхъ мѣстахъ слушатели взглядывали другъ на друга, и дѣлался какой-то шумъ одобренія; а повѣствованіе объ Адашевѣ, Филиппѣ и отвѣтъ Шереметева тирану тронули многихъ до слезъ. Дѣйствіе чтенія было магическое, и надъ вѣтъ же? Даже надъ тѣми, коихъ долговременное отсутствіе изъ Россіи, казалось охладило во всему тому, отъ чего бьется и трепещетъ русское сердце: князь Разумовскій слушалъ съ арзамасскимъ вниманіемъ и у всѣхъ было одно чувство. Историографъ пощадилъ насъ и остановился на самыхъ ужасныхъ злодѣйствахъ великаго тирана. Первымъ движеніемъ по окончаніи чтенія было всеобщее рукоплесканіе. Затѣмъ послѣдовало предложеніе президента о поднесеніи отъ имени академіи большой золотой медали историографу. Министръ духовныхъ дѣлъ и народ. просвѣщенія (кн. А. Н. Голицынъ), яко членъ академіи, первый подписалъ оное, потомъ и другіе. На эту минуту Ник. Мих. удалился въ другую комнату. Духовенство съ внутреннимъ чувствомъ благодарило его за Филиппа, честь и славу Россійскихъ іерарховъ. Замѣчательно, что весь первый департаментъ сената, собиравшійся обыкновенно въ 12 часовъ въ присутствіе, собрался на этотъ разъ въ 9 часовъ утра, чтобы въ 12 быть въ академіи. Собраніе было многочисленное, и зала едва вмѣщала посѣтителей.

¹⁾ Ценикъ и Гальціона изъ XI книги Овидіевыхъ метаморфозъ.

Въ дополненіе къ извѣстію Тургенева о засѣданіи 8-го января 1820 г. привожу слова, сказанныя Шишковымъ, по случаю присужденія Карамзину золотой медали.

— „Академія, по учрежденію своему и предписаннымъ въ уставѣ ея правиламъ, имѣетъ обязанность вознаграждать за подвѣты къмъ либо для просвѣщенія и словесности полезныя труды. Для сихъ наградъ положены разныхъ степеней золотыя и серебряныя медали. Многотрудный подвигъ члена ея, Ник. Мих. Карамзина, въ сочиненіи россійской исторіи, сколько приноситъ чести сочинителю, столько же и пользы отечеству. Почему имѣю я долгъ почтеннѣйше предложить академіи, не благоугодно-ли будетъ за сей достойный трудъ его назначить ему большую золотую медаль съ надписью: „отличную пользу россійскому слову принесшему“. Сіе предложеніе—сказано въ протоколѣ—всеми присутствовавшими членами принято единогласно. Послѣ сего г. президентъ академіи вручилъ Карамзину медаль при слѣдующемъ привѣтствіи: „Я имѣю пріятное порученіе, за труды ваши по россійской исторіи, отъ лица академіи вручить вамъ золотую медаль“. Г. Карамзинъ, принявъ сей знакъ почести, принесъ всему собранію свою благодарность. Сіи кончилось засѣданіе, болѣе двухъ часовъ продолжавшееся.“

Карамзинъ любилъ Тургенева. Съ сожалѣніемъ онъ расставался съ Тургеновымъ при его отъѣздѣ за границу въ 1825 г. (пис. къ Дмитр. 1825) и по его отъѣздѣ, выразился (письмо къ Дмитр. 21-го октября 1825), что „безъ него Петербургъ для насъ опустѣлъ“, а потомъ радъ былъ возвращенію его (письмо къ Дмитр. 22-го мар. 1826). Тургеновъ не только любилъ, но и чтилъ Карамзина и какъ чловѣка, и какъ представителя не нашего, но европейскаго просвѣщенія“, хотя и считалъ справедливымъ невыгодное замѣчаніе своего брата о мнѣніи его относительно рабства (29-го мар. 1827 г.). Какъ любилъ Тургеновъ Карамзина, видно изъ того, что онъ возилъ съ собою его письма и записки: „одну изъ трехъ сотъ, со мною путешествующихъ, я далъ для Гете (7-го авг. 1827).“ Тою же любовью къ Карамзину дышетъ его замѣтка о баронѣ Штейнѣ: „Жуковскій въ быту домашней жизни и по общему уваженію находитъ барона Штейна сходнымъ съ Карамзинымъ. Старость его точно *otium cum dignitate*. C'est le soir d'un beau jour, который прошелъ не безъ грозы, но очистилъ атмосферу (28-го іюля 1827 г.).“ Привязанность Тургенева къ Карамзину выразилась въ письмѣ его отъ 9-го апр. 1828 г.

„Я нашелъ здѣсь Карамзина въ опасной болѣзни, но которая можетъ продлиться. Все семейство доказываетъ мнѣ истинную дружбу, но, глядя на него, я часто и о своемъ горѣ забываю. У него *fièvre*

lente и онъ кашляетъ и матерія идетъ изъ него. Ему присовѣтовали климать Флоренціи, и государь показаль себя въ семь случаевъ достойнымъ Александра, который, какъ друга, любилъ его. Думаютъ, что онъ дастъ ему средства жить въ чужихъ краяхъ—и корабль для путешествія. Семейство не знаетъ всей опасности; я ежедневно и весь день съ ними. Онъ исчезаетъ для здѣшняго міра; но еще думаетъ кончить въ чужихъ краяхъ 12-й томъ. Здѣсь умеръ бы онъ скорѣе. Тамъ жизнь его можетъ продлиться».

Слухи, ходившіе о пособіи государя Карамзину для отъѣзда за границу, какъ извѣстно оправдались такъ, какъ никто не ожидалъ, рескриптомъ и указомъ 13-го марта 1826 г. Позже пошли слухи о томъ, что назначенную пенсію, которою государь, какъ самъ выразился въ рескриптѣ исполниль только долгъ справедливости и то, что желалъ, чего неуспѣлъ исполнить Александръ Павловичъ, Карамзинъ счелъ слишкомъ большою. „Это ужъ слишкомъ много“—повторялъ онъ, говорили тогда. Тургеневъ подтверждаетъ эти слухи даже въ болѣе рѣзкомъ видѣ, говоря, что Карамзинъ разсердился за пенсію (7-го авг. 1827 г.), что онъ принялъ милость съ негодованіемъ на чрезмѣрность пенсіи (29-го янв. 1828 г.). Извѣстно, что рескриптъ данъ за десять дней до смерти Карамзина и что въ благодарственномъ письмѣ къ государю, Карамзинъ не усомнился сказать: „благодѣяніе чрезмѣрно“, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ государя за обезпеченіе семьи.

Когда Карамзина не стало, Тургеневъ обратилъ свою любовь къ этому великому писателю на его семью, заботился о вдовѣ, о воспитаніи дѣтей. О Карамзинѣ же говорилъ такъ:

— „Моя скорбь проникнута боязнію, но и въ боязни этой есть искра надежды на провидѣніе. Страшусь, что въ Карамзинѣ мы лишились представителя нашей силы умственной, такого, какого не кѣмъ замѣнить, что мы въ работахъ ума опять поворотимъ назадъ. И, однако, надежда, что этого не будетъ, меня не покидаетъ, что творенія Карамзина, его великій подвигъ, долженъ вызвать другихъ на подобные подвиги.“

И. И. Срезневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).